

Право на счастье

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Шепот Яна

18+

Яна Шепот

Право на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69864382

SelfPub; 2023

Аннотация

Таня живет на городской свалке и ждет ребенка. Она хочет дать ребенку самое лучшее. А это значит, что нужно изменить жизнь, выбраться со свалки. Но готовы ли близкие люди разделить ее мечты? Или же они сделают все, чтобы помешать? Тане придется побороться за свое счастье... Изображение на обложке сгенерировано нейросетью Fusion Brain.

Яна Шепот

Право на счастье

Таня ждала ребенка. Каждый день она рассматривала себя в зеркало, представляя, что через пару месяцев станет совсем толстой. Живот заметно проступал, грудь наливалась. Скоро нужно будет новое платье. А где его взять? Таня тяжело вздохнула.

– Долго ты там? – пробурчал Игорь, ее муж и отец ребенка, закуривая сигарету.

Таня собрала жидкие, вытравленные перекисью волосы в хвост,

взяла с собой несколько холщовых мешков.

– Да.

Игорь подал ей копач – длинную палку с двумя металлическими когтями на конце. Ими удобно разгребать мусор.

– Ну что? – подмигнул муж, – была бы шея, а хомут найдется?

Таня ничего не ответила.

Игорь приподнял покрывало, которое служило дверью их самодельного жилища.

Таня вышла, поежилась. В лучах восходящего солнца блестела городская свалка. Вокруг нее словно прыщи высыпали жилища бомжей. Сарайчики строили из подручных материалов: картон и полиэтилен. Найденными на свалке коврами

и покрывалами утепляли стены. Кому-то сказочно повезло: он нашел палатку. Она была порвана с одной стороны, но дыру залатали.

Начинался рабочий день. На свет божий выползали обитатели свалки. Многие напоминали зомби: шатались после ночной попойки и щурились от яркого солнца. Каждый в руках держал копач, а на спине висело несколько холщовых мешков. Аромат дешевого табака наполнил воздух.

Таня наклонилась, чтобы подвязать сапог. Она нашла их пару дней назад. На левом – оторвана набойка, а на правом – сломан замок. Таня перевязывала сапог бечевкой, чтобы он не слетел с ноги.

По дороге на свалку Таня думала о ребенке. Интересно, кто родится: мальчик или девочка? На кого он будет похож?

Если девочка, пускай пойдет в Игоря. У него такая тонкая фигура, и круглое, как у младенца, лицо. Девочке подойдут его распахнутые глаза с длинными-длинными ресницами. А цвет у них голубой-голубой!

Или она пойдет в маму? Передастся ли ей Танин прямой лоб и нос с горбинкой? Не дай бог, чтобы ребенок перенял ее тонкие змеиные губы! Они были Таниной болью с подросткового возраста.

Пухлые губы мужа больше подойдут дочери. Зато его нос-картошкой и массивный подбородок можно отдать сыну. Мальчики не так сильно беспокоятся о своей внешности, как девочки.

Пребывая в размышлениях, Таня и не заметила, как дошла до вала. Он возвышался над людьми, отравляя воздух тяжелым запахом тухлых яиц. Истошно кричали чайки. Как же Таня их ненавидела!

Бомжи разбрелись по свалке. Нужно перебрать горы мусора, наполнить висящие на спине мешки. В один – стеклянные бутылки и банки, в другой – металл. На нем можно хорошо заработать. От десяти до пятнадцати рублей за килограмм. Третий мешок называли «домашним». Туда отправлялись покрывала, обувь, вещи, еда, свечи – все, что могло облегчить жизнь. Вечером мешки со стеклом и металлом сдавали на полигон. Иногда к свалке приезжали скупщики, тогда собранное толкали на двадцать, а то и на пятьдесят рублей дороже.

В полдень обед. Бомжи оборудовали себе место у подножья мусорной горы: притащили несколько сломанных стульев. Ели то, что нашли: заплесневевшие сосиски, помидоры и огурцы. Запивали все водкой для того, чтобы согреться. Коля наполнил пластиковые стаканчики. Это был низкорослый рыжий мужчина, с россыпью веснушек на щеках и плечах. В драке ему выбили два передних зуба. Из-за алкоголя лицо отекло, щеки покрылись гноиниками.

Водку здесь пили, как воду. Она была анестезией, помогающей пережить эту жизнь.

Многие тут же пьянели. Разговоры наполнялись непристойными шутками, матами и хриплым смехом.

Таня осушила стакан, раскопала среди мусора недокуренную сигарету, растянула ее.

Днем солнце было по-летнему жарким. Свалка плавилась под его лучами, источая вонь. Таня привыкла к ней. Давно её не чувствовала. Первую неделю жизни здесь она морщила нос. От запаха слезились глаза, и кружилась голова, периодически тошнило, но потом все прошло.

Вонь пропитала одежду, волосы и тело, наполнила легкие, текла с током крови. Вонь стала неотъемлемой частью жизни.

Почему-то сейчас, среди гор мусора, Таня впервые за последние десять лет вспомнила свое детство: домик с красной крышей, мягкую траву на лужайке, мамины пионы. Таня вместе с папой очень любила запускать воздушных змеев и кататься на Джессе, большом и добром золотистом ретривере. Воздух наполнился ароматами цветов.

Машинально Таня поглаживала живот. Она думала о ребенке. Он же родится здесь, на свалке, под ногами будет не трава, а осколки бутылок, окурки, консервные банки и грязное тряпье. Малыш вдохнет не запахи цветов, а сладкий запах гниения. Будущее, которое его ждет, – это помойка, алкоголь и безнадега. Да и какая эта жизнь? Выживание! Таня не могла обречь его на это. Она должна постараться выбраться отсюда!

Коля наклонился, чтобы подлить водки. Таня отказалась. – Подшила что ли? – хихикнул он.

Таня подняла копач.

– Пора работать!

Подхватив наполовину заполненные мешки, она направилась к мусорной горе. Бомжи потянулись за ней.

К вечеру похолодало. Мешки наполнились. Таня взвалила их на спину и охнула. Тяжелые, сволочи! Раньше ее это мало волновало. Кряхтя, она самостоятельно бы дотащила их до полигона, но сейчас она подумала о ребенке. Беременным же нельзя поднимать тяжести. Таня попросила помощи у Коли. Он согласился в обмен на бутылку. Вечером к полигону подъехала автолавка, где бомжи обменивали только что полученные деньги на водку и сигареты. Таня купила домой несколько пачек «Астры» и пару бутылок водки.

– Ну что, Танюха, как денек прошел? – поинтересовался Игорь.

– Неплохо.

Таня отдала ему бутылки и сигареты. Игорь тут же распечатал пачку, подкурил.

– Приготовь-ка ужин. Суп свари. Нужно изнутри прогреться, а то от холода уже кости ломит.

Таня тяжело вздохнула. Все, о чем она сейчас мечтала, это полежать, но ужин сам себя не приготовит, да и вещи не постираются. Игорь в этом деле не помощник. Он и раньше не жаловал труд, а после того, как лишился ступни, вообще, превратился в ребенка. Все, чем он занимался: пил, ел и спал.

Таня до сих пор с содроганием вспоминает ту ночь, когда произошла трагедия. Это была середина зимы, морозы стояли такие сильные, что все ночевали в одной буде, прижавшись друг к дружке. Ковры и одеяла постеленные внутри покрывались инеем. Почему Игорь ушел в ту ночь, Таня не знает. В памяти лишь отпечаталось, как она подняла крик, что Игорь пропал; как искали его всем поселением. Таня помнит дикий страх, от мысли, что Игорь умер. Помнит скорую, что забирала мужа. Помнит, как рыдала на плече у соседки, пока та ее отпаивала водкой. Каждую ночь Таня молилась за мужа. Бог услышал ее молитвы. Игорь выжил, но ему ампутировали левую ступню. После этого случая все дела легли на ее хрупкие плечи.

– Да, сейчас приготовлю. Сама голодная как волк. Сделай доброе дело, прикури мне сигарету.

Таня подкинула дров в костер, налила в котелок воды, покрошила картошку с морковкой, добавила найденные сегодня помидоры, высыпала из банки горошек.

– Эх, Танюха, золотая ты женщина, – Игорь довольно растягивал слова. – Иди ко мне, дай я тебя за это поцелую!

После минутных нежностей, Таня забрала у мужа сигарету.

Вечером все жители самодельного поселения собирались у костра. Их было немного, человек восемь. Пятеро мужчин и три женщины. Бомжи грелись, обменивались последними новостями.

Таня с Игорем, сидели рядом, накрывшись пледом, и пили чай. Таня рассасывала шоколадный квадратик.

– Поговаривают, к нам на следующей неделе волонтеры заглянут, – сказала Любка, женщина с низким хриплым голосом.

– А кто говорит? – поинтересовалась Таня.

– Да, я вчера со своим в город ездила, встретила старую знакомую. Она на Тростенецком обосновалась. Говорит, к ним приезжали на прошлой неделе...

– А какой толк от этих волонтеришек? – перебил ее Игорь. – Что они привезут? Пачки макарон? Опять? Тьфу!

Игорь сплюнул. Хлебнул чай.

– Показуха ихняя в печенках сидит. Выставят потом в интырнете своем фото, мол, смотрите, как мы бездомным помогаем. Тьфу! Мерзко!

– Точно, Игорь! – отозвалась Оля.

Эта был дородная женщина с короткими русыми волосами и вогнутым, как убывающий месяц, лицом.

– Лучше бы врачи приехали!

Повисла тишина. Было слышно как трещин огонь. Вдалеке, кричали чайки. В деревне заливалась лаем собака.

– Харе печалится! – хлопнул ладонями по коленям Коля. – Ну, приедут. Ну, пофоткают. Нам что жалко? Тащи, Танюха гитару, пускай Игорек нам сыграет чо-нибудь.

Ночью Таня думала над словами Любки. У нее родилась идея.

Волонтеры действительно приехали. Из белого микроавтобуса вылезли три милovidные девушки, не старше двадцати пять лет, и человек шесть в милицейской форме. Люба, посасывающая сигаретку, процедила сквозь зубы:

– Мы звери что ли, от нас нужно защищаться?

Рядом с девушками крутился парень с фотоаппаратом. Ритмично щелкал затвор, запечатлевая каждый акт доброты. Вот, достают из машины и вскрывают коробки с едой. Игорь был прав: в основном, это оказались макароны, сосиски и кофе. Щелчок, и следующий кадр сохранил, как ухоженные руки с аккуратным розовым маникюром передают пачку кофе в руки с обгрызенными ногтями.

Таня получила свой паек и уже собиралась уходить, но притормозила. «Ты же хотела поговорить», – напомнила она себе.

Таня подошла к девушке с короткими черными волосами и пирстингом в губе.

– Милая, можно с тобой поговорить?

Девушка замялась:

– Ээээ... ну....

Подобное развитие событий не вписывалось в ее сценарий. Девушка оглянулась на своих коллег, ища у них подсказки, как себя вести в такой ситуации. Другие волонтеры пожали плечами.

– Да не бойся, я тебя не съем, – хмыкнула Таня. – Вопрос

есть один.

– Ок, – кивнула черноволосая.

Они отошли на пару шагов. К ним направился, дежуривший недалеко милиционер.

– Все нормально? – поинтересовался он.

– Да, все ок.

Милиционер не ушел. Он сверлил Таню взглядом, будто она преступница какая-то. Это было неприятно, но Таня старалась не обращать внимание.

– Милочка, вот, ты волонтер, так? Ты должна помогать таким как мы?

– Эээ, ну да, – настороженно ответила девушка.

Таня продолжила:

– Ты же должна знать какие-нибудь центры или организации, которые помогут восстановить документы, помогут с работой и, – Таня поджала губы. Вдруг она заговорила быстро и так эмоционально, выпуская наружу все свои мысли, всю свою боль:

– Я больше не могу жить на этой свалке. Я хочу выбраться! Хочу нормальную жизнь! Не для себя прошу, для него!

Таня погладила живот.

– Он не должен питаться помоями и спать в зассаном одеяле. Родная, помоги!

По щекам катились слезы, Таня вытерла их тыльной стороной ладони.

– Да, да, конечно, – засуетилась девушка-волонтер. Она

достала из кармана телефон, пальцы быстро-быстро забегали по экрану.

– Есть такие организации. Вот адрес. Ваупшасова 42.

– Подожди, дорогая, я же так не запомню. Может у тебя есть, где записать?

Девушка задумалась.

– Минутку.

Волонтер достала из бардачка машины блокнот, записала адрес, вырвала лист и протянула его Таня.

– Спасибо, милочка!

Таня схватила лист и быстро спрятала его в карман. Оглянулась. Ее соседи занимались свои делами. Кажется, никто не заметил.

Вечером у костра ей все же устроили допрос.

– Танюх, что ты хотела от этих волонтерих?

– Да, попросила их больше не привозить макарон, – Таня изо всех старалась сделать так, чтобы слова звучали непри-
нужденно.

– Лучше пусть носки теплые привезут или варежки или...

– Ну, ты и дура! – воскликнул Игорь.

Его слова стеганули Таню словно ремнем. Она даже дер-
нулась, села ровнее.

– Нафига перед ними унижааться, что-то выпрашивать, –
Игорь нарочно растягивал слова, так они звучали язвитель-
нее.

Он скрючился, вытянул руку, затряс ею, подражая улич-

ным попрошайкам и заблеял:

– Дайте нам, пожалуйста, теплые носки и вааржки. Мы тут бедные-несчастные. Тьфу!

Игорь сплюнул.

– Мы свободные люди! Мы сами себе все найдем и раздобудем. Я запрещаю тебе унижаться и выпрашивать что-то у волонтеришек! Ты меня поняла?

Игорь строго посмотрел на Таню. Она поджала губы. От слов мужа захотелось плакать. Таня напряглась, чтобы сдержать подступающий к горлу комок, и тихо прошептала:

– Поняла.

Ночью она не смогла уснуть. Произнесенные вечером слова застряли в мыслях, словно кусочек мяса между зубами: пока не достанешь, не успокоишься!

«Он не пойдет с тобой», – едко шептал внутренний голос. От этого становилось так горько. Таня крутилась с боку на бок, пытаясь примирить свои мечты и надежды с реальностью. Под утро она решила: «Неважно, что он сейчас думает. Вот, родится ребенок, Игорь сам поймет, что малышу не место на свалке!»

Таня перевернулась на другой бок, прижалась к мужу. На улице завывал ветер.

«А если не поймет, я его уговорю!»

С этой мыслью она уснула.

Таня долго думала, под каким предлогом выбраться в го-

род. Ей казалось, что Игорь догадается, что она врет. Таня перебирала различные варианты и тут же их отбрасывала.

Пошла в магазин? Игорь, в лучшем случае, будет кричать, что все можно найти на валу. В худшем – начнет издеваться, сравнивая ее с городской попрошайкой. Сказать, что ушла за водой, а самой съездить в центр? Нет. Поход за водой займет от силы три часа, а не весь день. Соврать, будто отправилась в душевую? Тут же увяжутся Олька с Любкой. Будет выглядеть подозрительно, если не взять из с собой. Да и они потом обидятся.

Когда Таня начинала злиться от круговорота мыслей, то вскрикивала в сердцах: «Да катись оно все на! Просто возьми и пойду!», но не шла. Она оправдывала это то плохим самочувствием, то плохой погодой, то важными делами на валу. Все, обязательно завтра! Но завтра переносилось на послезавтра, а то и на следующую неделю.

Осень набирала обороты. Подули холодные северные ветра. Не переставая лили дожди, смывая яркие краски с мира. Вся палитра цветов смешалась и текла по асфальту грязными серо-коричневыми реками. Ночью температура опускалась до нуля. Утром заиневшая трава хрустела под ногами.

Живот рос, скрывать его стало невозможно. Колька криво усмехался и интересовался, когда успели. Любка с Ольгой поздравляли, вместе придумывали малышу имя. Один раз они даже подрались, каждая хотела стать крестной.

Беременность принесла и проблемы: начала болеть пояс-

ница, а вены на ногах повылазили, словно червяки после дождя; вещи стали тесными. Тане повезло: Любка нашла зеленое платье-халат. Оно удобно подвязывалось под грудью и свободно висело на животе. Правда, платье оказалось летним. Таня покрутила его, хмыкнула, но другого выбора не было. Пришлось искать выход. Таня распустила в свитере боковые швы до самых подмышек и натягивала его поверх платья, а ноги прятала в коричневые вязанные гетры.

Работа на валу превратилась в пытку: силы уходили очень быстро, и постоянно хотелось спать. Игорь стал часто ворчать, обзывая ее то ленивой, то медлительной.

Таня молчала, сцепив зубы, но однажды не выдержала. Она готовила ужин: раздула костер и пошла за пятилитровиком с водой. Бутылка оказалась тяжелой, Таня останавливалась каждые несколько шагов, чтобы передохнуть.

– А давай ты будешь все делать еще медленней? – возмутился Игорь, когда она зашла в буду.

Таня поставила бутылку, удивленно повернулась к мужу.

– Ты одну несчастную бутылку несла двадцать минут!

Таня чувствовала, как накопленные пласты злости, возгораются от этих слов.

– Ничего, что я беременная? Нет? – прошипела Таня. – Помочь не хочешь?

Игорь выпучил глаза и ехидно спросил, передразнивая жену:

– Ничего, что у меня нет ступни? Нет?

Фраза сработала как детонатор. Злость вспыхнула, словно пары метана. Из последних сил Тане удалось сдержаться. Она толкнула бутылку, вода разлилась по полу, залила ковры.

– Нет ступни, нет ужина!

Таня вышла. Ее трясло от злости, Игоря видеть не хотелось. Таня пошла к Оле. Соседка приняла ее радушно, предложила чаю с печеньем.

– Не ценит он меня, Оль! Совершенно не ценит! Знаешь, как мне тяжело с этим?

Таня пальцем ткнула в живот.

– Мало того, что поясница болит, а вены, посмотри, какие стали! – Таня задрала юбку и спустила гетру. – Ходить трудно! Так еще постоянно какое-то бессилие, хочется спать. А на мне вал, домашние дела. Игорь же совершенно не помогает, только ноет, требует и оскорбляет. Сил моих больше нету!

Таня обняла Олю и расплакалась.

– Ну-ну, тише-тише, – шептала соседка, глядя Таню по спине. – Мужикам никогда не понять, что значит быть беременной. Им кажется, что это полная фигня. Подумаешь, живот вырос...

– Вот-вот, – перебила ее Таня, – Игорь думает, что беременность это фигня и не причина, чтобы полежать.

– Ничего, он скоро адаптируется к новой тебе. Все будет хорошо.

На следующий день Таня проснулась поздно. Оля ушла на

вал. Она оставила в котелке немного каши и пару сосисок. Таня позавтракала.

Сегодня она чувствовала себя хорошо: голова была свежей, и совершенно не хотелось спать. Таня нашла пачку с сигаретами и вышла на улицу.

Осень ненадолго отступила, обнажая лето. Тучи, словно тяжелый занавес, раздвинулись, выпуская на небесную сцену солнце. Холодные ветра улеглись, видимо, набирали силу. Робко, не веря свободе, дул теплый ветерок.

Таня подкурила сигарету. Домой возвращаться не хотелось, она все еще злилась на мужа. Идти на вал тоже не хотелось, ее тошнило от одной мысли, что нужно перебирать мусор, надрываться, дышать гниением. Таня обняла живот, словно хотела защитить ребенка от внешнего мира. Таня с удивлением поняла, что впервые за долгое время у нее свободный день, когда она никому ничего не обязана.

«Вот оно идеальное время, чтобы съездить в соццентр, – произнес внутренний голос. – Не нужно ни у кого отпрашиваться. Не нужно ни перед кем отчитываться. Не нужно бояться, что тебя словят на лжи, а потом будут издеваться над решением».

По дороге в центр Таня заблудилась. Некоторые прохожие, к которым она обращалась за помощью, шарахались от нее как от прокажённой и ускоряли шаг. Другие, не меняя

шаг и не отрываясь от разговоров, делали вид, что не слышат и не видят ее.

Помог Тане какой-то обездоленный, копавшийся в мусорке. Он не только подсказал дорогу, но и посоветовал к кому в центр лучше обратиться, а кто останется равнодушным. Совет плавно перетек в историю жизни. Таня понимала, это займет ни один час, да и говорить по душам не хотелось. Прервав собеседника на полуслове, Таня поблагодарила за помощь.

В центре, как и советовал нищий, Таня отправилась к Наталье Ивановне. Эта была низкая полная женщина с короткими темно-каштановыми волосами, брови напоминали крыши деревенских домов, а две складки на переносице добавляли в ее облик больше строгости. Наталья Ивановна носила черные туфли на шпильке и темно-синий деловой костюм. Украшали ее позолоченные серьги и кольца с массивным малахитом. Глядя на эту женщину, возникало чувство спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, и в том, что все проблемы решаться.

Кабинет, оказался на удивление пустым. Возле двери стоял шкаф, рядом с ним стул для посетителей, а напротив – стол, за которым сидела Наталья Ивановна. Сотрудники центра украсили кабинет цветами, на подоконнике цвели пеларгонии и фиалки. В кадках стояли драцена, лимон, а по стене за спиной Натальи Ивановны ползла монстера.

– Проходите, – кивнула заведующая.

Таня немного замялась на пороге. Ее накрыли страх и сомнения в собственном решении, но отступить было некуда. Таня вошла, села на стул. Наталья Ивановна положила голову на сцепленные в замок руки:

– Слушаю вас.

– Ээээ... ну...я... – Таня не могла собраться с мыслями.

Вдруг Тане стало так стыдно за себя, за сальные волосы, за грязное платье, за огромный живот. Ей не место здесь, в окружении цветом, рядом с этой женщиной. Комок подкатил к горлу.

– Я пойду.

Таня поднялась, поддерживая рукой живот. Заведующая не дала ей сбежать:

– Нет. Подождите! Вернитесь!

Таня остановилась. Повернулась. Сейчас Наталья Ивановна выглядела расслабленной и дружелюбной.

– Как вас зовут? – поинтересовалась заведующая.

– Таня.

– Присаживайтесь, Татьяна, присаживайтесь.

Таня вернулась на стул.

– Я знаю, зачем вы пришли, – начала вместо нее Наталья Ивановна.

– Вы устали от своей жизни и хотите что-то поменять ради него, – заведующая кивнула в сторону живота. Таня инстинктивно прикрыла его руками.

– Да.

– Это очень похвальное желание. Я его одобряю и поддерживаю. В нашем центре...

Договорить ей не дали. В кабинет вошла медсестра. В руках она держала стопку карточек. Завидев посетительницу, медсестра не смутилась, бросила лишь дежурное «прошу прощения», и направилась к столу.

– Подпишите, пожалуйста, – с этими словами медсестра выгрузила на стол Натальи Ивановны карты.

– Это все поступившие за последнюю неделю? – поинтересовалась она.

Медсестра кивнула. Когда она вышла, Наталья Ивановна продолжила:

– В нашем центре Вам окажут помощь. Мы можем предоставить Вам койку в нашем центре, поможем восстановить документы и обеспечив лечение и помощь при родах.

Таня улыбнулась. Она чувствовала, как от этих слов сомнения превращаются в уверенность, что она поступила правильно.

– Только у нас есть несколько важных правил, – Наталья Ивановна строго посмотрела на Таню.

От ее взгляда все внутри сжалось, словно ее будут отчитывать.

– Первое, у нас запрещено пить. Совсем! – Заведующая загнула палец

– Второе, все, кто живет у нас, трудятся в центре. Третье, побеги. Они не допустимы. Если нарушите одно из трех пра-

вил, то вас лишал места в общежитии! Понятно?

Тане стало очень горько.

– Вы, наверное, думаете, что я совсем опустившаяся, да? – со слезами на глазах выкрикнула она. – Но я не выбирала жизнь на помойке! Никогда! Мои родители разбились на машине, когда мне было четыре. Я переехала жить к тетке. Я училась на медсестру, а когда тетку схватил инсульт, ухаживала за ней. После ее смерти, я устроилась на завод. Работала. И все было бы хорошо, если бы не двоюродная сестра. Ух, как она мне завидовала, что квартиру тетка мне оставила!

Таня замолчала. Давно она не вспоминала прошлое. Она думала, что запрятала все те события так глубоко в душе, что они померкнут от отсутствия света, оказалось, что они стали еще ярче, еще живее.

– Отобрала Оксанка у меня эту квартирку! Полгода играла в подружку, приглашала в гости, звала на день рождения племянника. А я, дура наивная, радовалась, что сестра образумилась. Ага! Щас! Она мне потом в чай какой-то дряни подсыпала, заставила подписать какие-то бумаги. Дня через три ко мне пришли, трясли этими бумагами и дали день на то, чтобы я вымелась из квартиры. Я пробовала судиться, но человек никто по сравнению с печатью. Так я оказалась на улице.

Таня замолчала, опустила глаза.

– Да, к сожалению, судьба иногда поступает очень жестоко с людьми, – произнесла Наталья Ивановна, – но, к счастью,

есть мы, готовые вам помочь.

Таня набралась сил и продолжила:

– Я готова выполнять хоть сто правил, чтобы вернуться к нормальной жизни! Я готова не пить! Я не боюсь работы! Могу хоть семь дней в неделю работать, хоть по ночам!

– Ну-ну, – ласково улыбнулась Наталья Ивановна. – Не нужно работать по ночам. У нас есть свой график и смены, когда работает тот или иной человек. Вот вам лист и ручка. Напишите, пожалуйста, заявление о приеме вас в социальный центр. Образец висит на стенде «Информация».

Таня взяла лист с ручкой.

– Спасибо.

– А я подготовлю для вас приказ о предоставлении Вам места в общежитии, а потом нужно написать заявление на восстановление документов.

Таня кивнула. Вышла. Нашла стенд с «Информацией». Минуты три она стояла, читала образец, но лист бумаги оставался чист. Таня вышла покурить. День стал еще теплее. Люди гуляли в шортах и майках с коротким рукавом.

Сигаретный дым успокаивал. Эмоциональная буря сходилась на «нет», Таня смогла посмотреть на ситуацию с другой стороны. Она сейчас напишет заявление, а предприимчивая Наталья Ивановна тут же отведет ее в новый дом, покажет комнату, кровать. Это здорово, но... все происходит слишком быстро. Она не успела попрощаться с подругами. Совесть не позволяла взять и исчезнуть без слов. Она не могла

бросить мужа. Она хотела переехать с ним.

Таня затушила окурок о край урны и пошла в сторону автобусной остановки.

Несколько дней Таня жила у Оли, пока Игорь не пошел на перемирие. Ее позвал Коля, а муж ждал дома. Он подготовился. Застелил стол покрывалом вместо скатерти. Нарезал колбасы, помидор и немного подохший сыр. Он даже обменял на спирт у Коли найденную на валу упаковку с леденцами. Посередине импровизированного стола подобно памятнику возвышалась бутылка с вином. Игорь купил ее магазину! Долго не решался на этот шаг, но ради жен пришлось преодолеть свои убеждения. Рядом примостились два граненых стакана. Но самый главный сюрприз Игорь прятал за спиной. Специально для Тани Игорь приготовил букет ее любимых хризантем. Он попросил помочь Колю, и тот ночью облазил городские парки и скверы и нарвал пышный букет.

Когда Таня вернулась домой, Игорь целовал ей руки и рассыпался в словах любви.

– Ты моя спасительница! Ты смысл моей жизни! Если бы не ты, я бы давно пропал.

Таня таяла от слов, цветов и вина, оно было горьковатым на вкус. Таня слегка поморщилась. Она чувствовала себя такой важной и нужной, что тут же простила выходку мужа. Хорошо, что она не осталась в центре. Что бы делал Игорь, если бы она пропала без вестей? Совесть легонько кольнула

ее и тут же отпустила, уступая место облегчению. Она правильно сделала, что ушла из Центра; Правильно сделала, что вернулась домой. Таня чувствовала, как семейные узы, оплетающие ее, мужа и не рождённого ребенка становятся крепче. Неважно, что они сейчас живут на свалке и питаются отходами. Это все временно. Скоро все изменится. У них будет свой дом и лужайка перед домом, в холодильнике – свежая еда, а в кружке – настоящий кофе. Таня улыбалась, одной рукой гладя живот.

В порыве чувств она чуть не рассказала Игорю про социальный центр и свои планы. Рано еще. Таня решила заходить осторожно. Она прижалась к мужу и, заглядывая в глаза, спросила:

– Ты меня любишь?

– Люблю, – ответил Игорь и поцеловал ее в лоб.

– А ребеночка нашего любишь?

– Ну конечно! – Игорь наклонился и чмокнул ее в живот.

– И ты согласен, что у нашего ребенка должно быть все самое лучшее.

Муж кивнул.

– А на что ты готов ради меня и ребенка?

Игорь задумался на пару секунд:

– На все.

Он подлил вина и поднял стакан:

– За самую лучшую женщину в мире!

Таня зардел, поддержала тост. На несколько секунд меж-

ду супругами повило молчание. Ветер надрывался на улице, вдалеке ругалась гроза.

Ночью Тане снился дом с красной крышей. По лужайке наперегонки с золотистым ретривером бежала девочка лет пяти в зеленом платье. Она заливисто смеялась, а в голубых глазах блестело солнце. Таня улыбалась во сне. Все будет хорошо. Все. Будет. Хорошо!

Таня ошиблась: ничего не было хорошо, неприятности сыпали на голову словно град. Сначала заболел Игорь. Днем он жаловался на слабость, а вечером поднялась температура. Ртутный столбик упорно полз к тридцати девяти градусам. Всю ночь Таня не спала, волновалась. Утром, едва взошло солнце, побежала в аптеку. Многие еще не открылись. Пришлось ехать пару остановок, чтобы попасть в дежурную.

Таня переживала, удастся ли ей уговорить мужа выпить таблетки. К счастью, Игорь чувствовал себя настолько плохо, что выпил предложенный стакан с водой, с которой она размешала Колдрекс, без всяких вопросов.

Весь день, Таня, забыв о себе, варила бульон, поила мужа чаем, расспрашивала о самочувствии. Игорь в ответ ворчал и просил оставить его в покое.

На следующий день в гости заглянула Оля. Узнав про Игоря, она выставила Таню из будды, злобно зашипев:

– С ума сошла! А если ты тоже заболеешь?

– Предлагаешь его бросить?

– О себе думать не хочешь, подумай о ребенке! – Оля застучала ей пальцем по лбу.

– Пока Игорь болеет, будешь жить у меня, – раскомандовалась подруга, не давая Тане собраться с мыслями.

– Но как же...

– Не переживай, я о нем позабочусь. Не пропадет твой Игорь.

Но Таня не могла не переживать. Она нервно ходила с одного конца будды в другой и засыпала Олю бесконечными вопросами:

– Ну как он? Ему легче? Какая температура? Кашель появился? Насморк? Что он сегодня ел?

Зима начала свою атаку резко и неожиданно. Противник, захваченный врасплох, долго не мог понять, что происходит, а когда осознал, то война оказалась почти проигранной. Сражаться не было смысла. Осень сдалась. Снег падал сутки напролет, к утру сугробы достигали колен. Температура опустилась до минус пяти градусов. Будды промерзли насквозь. Не спасали ни дополнительные покрывала, ни костер, который разводили прямо в доме.

Когда температура снова поползла вниз, бомжи переселились в одну будду. Ночью все спали, плотно прижавшись друг к дружке, чтобы хоть немного согреться.

Беременность из дара превратилась в наказание. Из-за живота, Таня не влезала ни в одни старые теплые вещи. Бла-

го, что Любка нашла на валу длинную черную дубленку для очень крупных дам. На спине красовалось гигантское светлое пятно, словно на нее пролили растворитель. Все это не волновало Таню, главное, она могла спрятать живот и увеличившуюся грудь. Расстраивал мочевой пузырь. Такое ощущение, что он уменьшился до размера чайной ложки: он звал в туалет чуть ли не каждый час. Ходила Таня тоже с трудом. Вены на ногах распухли и напоминали корни деревьев, ночью икры сводило судорогой. Поясница болела, постоянно хотелось спать. Из-за недостатка движений, Таня мерзла как проклятая. Если раньше, она спасалась от зимы работой, то сейчас приходилось терпеть и плакать от безысходности. Ребенок шевелился все активнее. Таня ненавидела его пинки. Она чувствовала себя отбивной, ей даже начинало казаться, что многие органы уже превратились в фарш. Затем она отдергивала себя, укоряла.

«Ты должна радоваться ему. Он твоё спасение!» – шипела на себя Таня.

Все о чем она мечтала это поскорее родить.

Ее мечта сбылась в середине марта. Роды принимали Оля с Любкой. Оля почему-то запаниковала, давала глупые советы, гладила за руку и по тысяче раз спрашивала про самочувствие. Люба оказалась сдержаннее. Она отдавала короткие команды «Дыши чаще! Тужься!» и успокаивала Олю «Не ссы, я родила, и она родит!»

На свет появился мальчик. Таня была совершенно без сил,

но когда услышала первый крик сына, усталость как рукой сняло. Люба обтерла малыша полотенцем, смоченным водой, а потом завернула в покрывало.

– Красавец какой! На тебя похож!

Таня взяла младенца. Сын смотрел на нее серьезными глазами. Они напоминали озеро, затерянное в горах. Чистое, светлое и такое голубое. Это все, что он перенял от отца.

Таня поцеловала малыша в лоб и глубоко вдохнула. Сын пах сладким молоком, новой жизнью и надеждами. Этот тонкий запах грубо разрушала вонь, исходившая из давно нестиранного покрывальца. Таня положила маленького рядом с собой, накрыла рукой, таким движением она часто накрывала живот в неосознанной попытке защитить его от внешнего мира, и уснула.

Сына назвали Никитой. Тане не заметила, как ее жизнь прочно приросла к этому маленькому человечку: каждую минуту она думала о нем, бросалась при первом же кряхтении, а при длительном расставании ощущала чуть ли не физическую боль.

Несколько раз на день Таня возвращалась с вала, чтобы убедиться, что Никитка в полном порядке. Дома она нянчилась с ним, не переставая.

Сын заставил Таню посмотреть на свою жизнь под другим углом и многое переосмыслить. Беспомощность Игоря раз-

дражала. Бесило еще то, что муж жаловался, будто Никитке больше внимание достается, а про него совсем забыли.

– Ты к малому подходишь по сто раз на дню, а ко мне подошла, в лучшем случае, раз пять и то с упреками и приказами.

– Я не приказываю, – пыталась оправдаться Таня. – Я прошу.

– Ты таким тоном просишь...

– Блять, мог бы и помочь! Я зашиваюсь тут. Днем – вал, а вечером пеленки постирай, молоком накорми, укачай, так еще я з водой должна ходить! Мог бы и ужин к моему приходу сварить. Это, мать его, не трудно: закинул каши в котелок, залил водой и поставил на огонь. Все! Но неееет, тебе же тяжелооо, ты у нас ивалиииид!

Таня нарочно растягивала слова, чтобы сильнее оскорбить мужа.

Она смотрела на Игоря и не испытывала ни любви, ни жалости, в груди клокотали отвращение и злость. Таня решила его добить.

– А сейчас еще начинаешь с Никиткой соревноваться? Какого хрена, я прыгаю возле него, а не возле тебя? Ты у нас, что младенец беспомощный? Взрослый мужик, а ведешь себя черти знает как! Тьфу, на тебя!

Глаза Игоря сузились:

– Ты может, забыла, кто тебя спас пару лет назад? Кто тебя сюда привел? Где бы ты сейчас была без меня?

– Ну, спасибо! – Таня низко поклонилась. – Но свой долг, я считаю, оплатила сполна!

Ночью она корила себя за эту сору. Могла бы ответить и помягче. Игорь, наверное, обиделся. Под хор осуждающих мыслей она еле заснула.

Любовь к Игорю постепенно угасала. Вместо нее Таня чувствовала огромную усталость, словно в душу положили камень, который она вынуждена таскать каждый день. Таня часто плакала по ночам. Розовые фантазии о дружной семье, о доме истончались. Ночью, выплакав дозу слез, Таня хотела спрятаться в мечтах как под одеялом. Не получилось. Не смогла. Она лежала, смотря в потолок. Реальность заполняло пространство, где раньше обитали облака. Таня стала понимать. Не будет у нее дома. Все, на что она может рассчитывать – это комната в социальном центре. Если повезет, то ей дадут квартиру. Все же это лучше, чем будда на краю вала.

Игорь не пойдет за ней. Его мир – это свалка. Она символ его свободы и независимости. На этом долгом и сложном пути вверх из социальной ямы Таня с малышом совершенно одни.

Такая реальность не нравилась. Хотелось от нее отмахнуться, спрятаться, но от этого реальность не поменяется. Еще Таня поняла: камень в душе будет расти с каждым лишним днем, проведенным на свалке. Когда-нибудь он станет таким тяжелым, что раздавит ее. Нужно бежать!

«Послезавтра», – решила Таня – «оставлю себе один день на прощание. Все равно, за один день ничего такого не произойдет».

Таня ошибалась. Один день может перевернуть всю жизнь.

Таня как обычно разбирала мусор: пластик в один пакет, картон – в другой. Мысленно она рисовала завтрашнее утро: как встанет пораньше, завернет ребенка в теплый пледик, возьмет, деньги, заработанные за сегодня, сумма небольшая, но на первое время должно хватить, автобус довезет ее до социального центра, где она передаст свою судьбу в руки Натальи Ивановны.

К обеду кольнуло сердце. Таня, аж, остановилась от неожиданности. Подошла Оля.

– Все в порядке? – поинтересовалась она.

Таня кивнула.

– Эээ, нее, подруга, не верю я тебе, больно ты какая-то бледная. Сядь, посиди.

Таня отмахнулась:

– Да, все хорошо!

Нет. Что-то шло не так. Таня чувствовала, как сжимается сердце, как внутри головы как будто надувается воздушный шарик.

«Все хорошо! Со мной все в порядке!» – словно мантру бубнила Таня.

«Шарик» внутри головы рос, уперся в своды черепа и лоп-

нул. Дикая, необъяснимая тревога залила Таню.

Произошло что-то непоправимое! Очень плохое! Сын! Что с ним? Где Никитка?

Таня со всех ног бросилась домой.

Сын! Сыночек! Так важно увидеть его! Убедиться, что с ним все в порядке!

Таня ворвалась в буду и бросилась к гнездышку Никиты, она его соорудила из пледов и одеял. Пусто! Нету! Мир поплыл перед глазами. Таня металась по буде, перевернула одеяла, заглянула под стол. Нету! Таня выбежала на улицу и бросилась к бочкам с водой. Больше всего на свете она боялась увидеть там синее, разбухшее тельце Никиты. Фух, слава богу, не нашла.

Таня опустилась на землю рядом с бочками и позволила себе отдышаться. Паника немного отступила, но вскоре вернулась снова. Где Игорь? Где Никита? На эти вопросы не было ответа. Таня вернулась в буду, открыла бутылку водка. Нужно успокоиться.

Игорь вернулся поздно вечером. Он сиял, словно новенький ботинок. Да и сам напоминал до блеска отполированную туфлю: белый свитер и бежевый пиджак изумляли чистотой и свежестью, грудь перетягивал ремень от спортивной сумки, на ногах новые кроссовки. Вокруг мужа витали тонкие пряные и древесные ароматы. Нелепо и комично поверх дорогих одежд смотрелась голова со следами алкого-

лизма и бездомной жизни. Хотя в парикмахерской волосы отмыли, подрезали и зачесали назад, но, вот, с мешками под глазами, с красными точками от разрывов капилляров и пористой кожей сделать ничего не смогли. Игорь держал букет белых роз, перетянутых алой лентой.

– Танюша, солнышко! – воскликнул муж, когда вошел в будду. – Это тебе!

Тане посмотрела на букет. Что-то внутри вспыхнуло, она бросилась к мужу, выхватила цветы и швырнула их в сторону:

– Где мой сын? Где Никита? Что ты с ним сделал?

– Танюша, солнышко, присядь. Успокойся.

– Где Никитка? Где он? – закричала Таня, хватая его за воротник такого безупречного белого свитера.

– С ним все хорошо. Он в порядке, – ласково проговорил Игорь, разжимая ее пальцы.

Эти слова приносили облегчение. Таня опустила на стул, сердце в груди бешено колотилось. Игорь открыл бутылку, плеснул водку в стакан.

– На, успокойся.

Таня выпила залпом. Налила еще. Выпила. Игорь сел рядом.

– Помнишь, ты говорила, что ребенок не должен расти на свалке?

– Ну.

– Помнишь, ты говорила, что ребенок не должен питаться

отходами?

Таня кивнула. Игорь взял ее за локоть. Она почувствовала, как дрожат его пальцы.

– Я полностью с тобой согласен! – воскликнул Игорь.

В его голосе чувствовалось столько фальши.

– Что ты с ним сделал? – прорычала Таня.

– Я нашел ему семью. Хорошую семью, которая будет о нем заботиться.

Таня набросилась на Игоря.

– Какую, нафиг, семью? Мы его семья! Я его мама! Где ты взял эту другую семью. Рассказывай, давай, гадина. Куда ты сплавил нашего сына?

Игорь поморщился. Он явно рассчитывал на другую реакцию. Он достал из кармана сигареты, подкурил.

– Тань, помнишь, ты много говорила о том, что ребенок не должен жить на валу. Я долго думал над этими словами, и понял, что ты права. Ребенку нужен дом, нормальные условия. А что мы ему можем дать? У нас же ничего нет. Сами еле выживаем. Я вспомнил про своего друга. У него есть дом, огород. Там Никитка будет одет, обут, накормлен.

– Что за друг? – Танины глаза сузились, она чувствовала подвох.

Игорь замялся, взгляд скользнул по стенам будды.

– Мурат.

Внутри как будто что-то оборвалось. Стало так пусто и одиноко. Мурат, Черная Борода, был главой клана местных

попрошаек. На него работали несколько наркоманов: при-
творялись в метро ветеранами и инвалидами. Люди сочув-
ствовали им, давали денег. Вечером эти «инвалиды» и «ве-
тераны» обменивали собранное на желанную дозу. На Чер-
ную Бороду работали и несколько нерусских женщин. Они
стояли то с большими животами, то укачивали на руках веч-
но спящих младенцев.

Таня как-то разговаривала с одной. Та жаловалась, что бе-
жала из своей страны за лучшей жизнью, а попала к Мурату.
Он отобрал паспорт, напугал каким-то огромным долгом и
заставил его отрабатывать.

– Он меня периодически поколачивает, – плакала женщи-
на, показывая синяки на руках. – Несколько раз изнасило-
вал. Он даже продал меня на день рождение какому-то дру-
гу...

Женщина сделала глубокий вздох, подавив накатывающи-
еся слезы, и сменила тему.

– А сделать я ему ничего не могу. У него все куплено! Все
куплено! Я как-то...

Вдруг она посмотрела в сторону и зашикала.

– Иди от сюда. Давай! Убирайся!

Реальность, чертова, горька, неотвратимая реальность
огромной волной накрыла Таню. Ее ребенок, Никитка сей-
час лежит, обколотый наркотиками или под фензепамом
на руках у какой-нибудь нерусской попрошайки. Таню за-
тошнило. Мир стал как будто призрачным. Таня ухватилась

за край стула. Важно было почувствовать что-то твердое и прочное, чтобы обрести хоть какую-нибудь стабильность.

– Танюша, ну что ты распереживалась? – засюсюкался Игорь.

Он либо не понимал, либо не хотел осознавать весь масштаб трагедии.

Но Таня научилась видеть правду, и она ее ошеломила. Новый свитер, пиджак, кроссовки, этот шикарный букет Игорь явно не на свалке нашел. Игорь купил их. Но где же он взял деньги? Ответ был очевиден. Он продал сына, и думал, о не о счастье Никитки, а о своей выгоде.

– Сколько?

– Что сколько? – удивился Игорь.

– Сколько ты получил за Никиту?

Игорь молчал. Таня повторила. Медленно. Разделяя слова паузами.

– Сколько тебе заплатил Борода за Никиту?

– Почти пять тысяч.

Вот она цена надежд, Таня. Даже до пяти тысяч не дотянула. Она почувствовала себя в карусели абсурда. Всю жизнь ее вагонетку швыряло, то к пропасти, то на скалы. Таня старалась не жаловаться и с достоинством выдерживать удары судьбы. И, вот, когда появился шанс сбежать с этого чертового парка аттракционов, то самый близкий человек столкнул ее вагонетку с обрыва.

Она это не простит! Она должна отомстить! Должна! Ради

Никитки.

Решение пришло мгновенно. Таня схватила недопитую бутылку и опустила ее на голову мужа. Осколки полетели на пол, некоторые застряли во лбу Игоря. Он еще не успел опомниться, а Таня со всей силы ударила по ножкам его стула. Они хрустнули словно позвонки. Игорь рухнул вниз.

– Что ты делаешь, Тань? – Он пытался подняться.

Кровь лилась из головы, затекая в глаза. Как же она их ненавидела.

Таня рывком встала, подняла стул и обрушила его на голову мужа

Игорь крикнул и затих. Таня наклонилась померять пульс. Венка на запястье слабо пульсировала. Жив.

Таня вышла покурить. Ночь выдалась прохладной. Таня поежилась, но за теплым платком или кофтой не вернулась. Звезды напоминали пулевые отверстия. Луна бледным призраком наклонилась над землей. Где-то заухал филин. Какая-то птичка встрепенулась, и, шумно хлопая крыльями, унеслась прочь. Над головой кружились летучие мыши.

Таня думала о сыне. От картинок, что разворачивались в воображении, сжималось сердце. Покормили ли ее сына? Или бросили в кроватке на произвол судьбы? А может ему дали какую-нибудь гадость, чтобы не орал.

Таня потушила недокуренную сигарету. Она должна все исправить!

Таня вернулась в буду, забрала у Игоря сумку. Та оказа-

лась набита какими-то пакетами и упаковочной бумагой. Таня обнаружила несколько бутылок водки и кошелек. Слава богу, Игорь не успел потратить все деньги. Таня аккуратно и нежно разгладила каждую купюру. Осталось более трех тысяч.

– На первое время хватит, – прошептала под нос Таня.

Она закинула в сумку вещи Никиты, его смеси и пару игрушек. Она найдет сына! Отнимет у попрошаек чего бы ей этого не стоило. А потом они вместе пойдут к Наталье Ивановне за лучшей жизнью.